

Э. А. Райчева
Волгоградский государственный
педагогический университет

Эвфемистические зашифровки и намеки социально-политической сферы (на материале идиостиля А.С. Пушкина)

Современная языковая ситуация и проблемы культуры речи

Творчество А.С. Пушкина представляет интерес для исследования приемов, используемых для эвфемистических зашифровок, намеков, относящихся к общественно-политической сфере. Что заставляло Пушкина их использовать? Ответим на поставленный вопрос словами самого поэта: *«Тяжело, нечего сказать. И с одною цензурою **напляшешься**; каково же зависеть от целых четырех? Не знаю, чем провинились русские писатели, которые не только **смирны**, но даже сами от себя согласны с духом правительства. Но знаю, что никогда не бывали они **притеснены**, как нынче: даже и в последнее пятилетие царств. [ования], покойн. [ого] имп. [ератора], когда вся литература сделалась рукописною благодаря Красовскому и Бирукову»* (Д. В. Давыдову. Август 1836 г.). Имея достаточно врагов: министр народного просвещения Уваров, ненавидевший поэта за только что напечатанную на него сатиру «На выздоровление Лукулла»; министр по цензурному ведомству Дондуков-Корсаков («князь Дундук», заседавший согласно эпиграмме «в академии наук» отнюдь не по научным своим заслугам); Бенкендорф и его Третье отделение; сам царь (сначала Александр I, затем Николай I), а также журнальных противников: О.И.Сенковский, Ф.В.Булгарин, Н. И. Греч и др., прямо говорить о политике, о власти, о своих недругах Пушкин, разумеется, не мог, поэтому использовал эвфемистические намеки и зашифровки. Рассмотрим две темы, на наш взгляд, относящиеся к общественно-политической сфере: ссылка и власть (в частности, царь Александр I). Например, намек на беспринципную и продажную литературу, где господствуют Булгарины, выражен следующим выражением: **«вшивый рынок»**

(М. П. Погодину около (не позднее) 7 апреля 1834 г.), а слово *ссылка* представлено в творчестве поэта не только субстантивными (*глушь, мрак заточенья, пустынный, изгнанник, тревога прежних лет, чижик в клетке, карантин, жаль покинутых цепей, заветным умыслом томим*), но и глагольными (*Я вас бежал, питомцы наслаждений* («Погасло дневное светило...»), *Покинул он родной предел* («Кавказский пленник»); *Скажи, мой друг: ты не жалеешь О том, что бросил навсегда?* («Цыганы») и даже адъективными намеками на вынужденное пребывание: *«Михайловское душно для меня»* (П. А. Вяземскому 15 сентября 1825 г.). Структурная зашифровка данного наименования представлена также словосочетанием: *«Дай бог, чтоб эта шутка не стоила тебе **вечного пребывания в Грузии**»* (Л. С. Пушкину 6 апреля 1831 г.). Из перечисленных примеров видно, что добровольное бегство и политическое изгнание являются цензурными заменителями слова *ссылка* (часто замена сделана автором в ключе романтического стиля), но не всегда их можно считать синонимами. Зашифровки прямо зависят от места пребывания: в южной ссылке поэт ощущал себя беглецом, добровольным изгнанником, а семилетняя жизнь в Михайловском воспринималась им как каторга.

Раздумья над этическими проблемами политики (невозможность быть одновременно самодержцем и нравственным человеком), вопрос об узурпации власти (Наполеон, Александр I), мысль об участии царя в заговоре 11 марта 1801 г. присутствуют в сознании Пушкина и находят отражение в его творчестве и переписке. Например, поэт изящно цитирует намек на убийство императора Павла: **«Врата отверсты в тьме ночной *Рукой предательства наемной*»** («Вольность»). В следующей эвфемистической зашифровке поэт называет такой недостаток Александра I, как трусость: **«Под Аустерлицем он бежал, В двенадцатом году дрожал Его мы очень смиренным знали, Когда не наши повара Орла двуглавого щипали У Г<осударева> шатра»** («Послужной список»). В десятой главе романа «Евгений Онегин», не предназначенной для печати, он вынужден использовать эвфемистическую зашифровку, чтобы подчеркнуть двуличие, лицемерие императора: **«Властитель слабый и лукавый, Плешивый**

*щеголь, враг труда, Нечаянно пригретый сла-
вой, Над нами царствовал тогда»,* а также
выразить намек на общественный подь-
ем после угрозы двенадцатого года: *«Тут
Лунин дерзко предлагал Свои решительные
меры И вдохновенно бормотал. Читал свои
Ноэли Пушкин, Меланхолический Якушкин,
Казалось, молча обнажал Цареубийствен-
ный кинжал».* А в стихотворении «Недви-
жный страж дремал на царственном поро-
ге...», которое при жизни поэта по цензур-
ным соображениям не печаталось, Пушкин
Александра I называет *владыкой севера*.
В данной зашифровке скрыт подтекст:
не без участия русского царя реакционная
политика Священного союза задушила ре-
волюционные движения на юге Европы.
Справедливо назвал Ю.М.Лотман отноше-
ние Пушкина к Александру I «устойчиво
негативным и окрашенным в тона личной
неприязни, непрерывная цепь колких вы-
сказываний, эпиграмм и личных выпадов»
(Лотман 1995: 253).

Пушкин находится в постоянном по-
иске новых приемов, новых способов за-
шифровки своих мыслей и чувств, что-
бы выразить отношение к общественной
жизни страны. Именно письма (особенно
пересылавшиеся «по оказии») помога-
ют исследователям проследить чувства,
мысли и даже настроение автора. Гонения
трактуются им как характерное проявле-
ние в России насилия и произвола, по-
этому к нему и приходит мысль о том,
чтобы *«тихонько взять трость и шляпу»*
(Л. Пушкину. Январь — начало февраля
1824 г.). В этих словах содержится намек на
то, чтобы бежать за границу. Друзья отгова-
ривают его от этой затеи, за это он их назвал
«заступники кнута и плети». В письмах
южного периода господствует дух недо-
вольства, а гонения поэтом трактуются
следующим образом: *«Я устал подчинять-
ся хорошему или дурному пищеварению
того или другого начальника; мне надоело
видеть, что на моей родине обращают-
ся со мною менее уважительно, нежели
с любым английским балбесом, приезжаю-
щим предьявлять нам свою пошлость, не-
разборчивость и свое бормотание»* (лето
1824 г. из Одессы). Через год, уже в ссыл-
ке в Михайловском, чувствуется тот же
тон в отношении цензуры, царя: «черт
с ними и с цензором, и с наборщиком,
и с **tutti quanti**» (всеми прочими — лат.)
(А.Н. Вульфу, конец августа 1825 г.)

Предлагаем рассмотреть приемы, позво-
ляющие Пушкину косвенно обозначать со-
бытия и называть людей, активно участву-
ющих в социально-политической жизни
России XIX в. К ним мы относим иронию,
апотропею, речевую маску, аполог, жан-
ровую маскировку, аллюзию, аллегория,
иносказание.

Ирония, которая, по справедливому
замечанию В. П. Григорьева, «исполнен-
ная такта, была неуязвима для цензуры...»
(Григорьев 1978: 569), часто встречается в
творчестве поэта. Его иронические намеки
выражаются с помощью слов и других еди-
ниц языка в значении, удаленном от пря-
мого смысла до противоположного полюса
(принцип «понимай наоборот»), например:
великий наш певец, маститый собеседник в
эпиграммах на Н. И. Надеждина как авто-
ра тяжеловесных архаичных стихов. Ирония
звучит и в эвфемистических обозначениях
царя, уточнении его местожительства: *«Ты
знаешь, что я дважды просил **Ивана Ивано-
вича** о своем отпуске чрез его министров — и
два раза воспоследовал всемилостивейший
отказ. Осталось одно — писать прямо на его
имя — **такому-то, в Зимнем дворце, что
против Петропавловской крепости»***
(Л.С. Пушкину. Январь — начало февраля
1824 г.).

Пушкиным активно используется при-
ем апотропеи, в частности, «когда об-
личение отечественной действительности
вуалируется «зарубежной тематикой»
(Григорьев 1978: 569). Известно, что пре-
поны цензурные и служебные в выборе
объектов творчества, в содержании и трак-
товке сюжетов, даже в местожительстве и
в передвижениях по собственной стране
сопровождали Пушкина вплоть до гибели.
Это нередко побуждало поэта маскиро-
вать стариной, особенно зарубежной, ме-
нее известной, свои идеи, оценки и чув-
ства. Одним из примеров может послужить
стихотворение «Лицинию», являющееся
первой политической сатирой на пороч-
ную власть, выражающей протест против
царского деспотизма. Свое возмущение
правлением Аракчеева Пушкин направ-
ляет на Лициния, временщика Ветулия:
*«Любимец деспота сенатом слабым пра-
вит».* Античность служит и для выраже-
ния общественно-политических взглядов
Пушкина. Так, работая над образом Тацита,
поэт сравнивает Александра I с таким ти-
раном, как Тиберий, а Воронцова называет

Сеяном (как воплощением злоупотреблений). Об этом он пишет П. А. Вяземскому: «Я поссорился с Воронцовым и завел с ним полемическую переписку, кото-рая кончилась с моей стороны просьбою в отставку. Но чем кончат власти еще неизвестно. **Тиберий** рад будет придираяться; а европейская молва о европейском образе мыслей графа Сеяна обратит всю ответственность на меня» (24 – 25 июня 1824 г.). В «Замечаниях на “Анналы”» данное предположение подтверждается: «Если в самодержавном правлении убийство может быть извинено государственной необходимостью, то Тиберий прав». Но Пушкин идет дальше и сравнивает Александра I с Агамемноном, вождем греческого ополчения в Троянском походе, иронизируя по поводу того, что победа не является заслугой русского императора: «Вы помните, как **наш Агамемнон Из пленного Парижа к нам примчался И скоро силою вещей Мы очутились в Париже...**» («Была пора: наш праздник молодой...»). Таким образом, клеймя тиранов древности, поэт сблизил золотой век римской литературы с правлением Александра, представив на суд читателей следующие аналогии: Александр I — Тиберий — Агамемнон.

Следующий прием мы назовем приемом речевой маски. Используя народное представление о юродстве как форме высказывания истины царям, Пушкин рассуждает: «В самом деле не пойти ли мне в юродивые, авось буду блаженнее!» (П. А. Вяземскому, 13 и 15 сентября 1825 г.) и пишет трагедию «Борис Годунов», убежденный в том, что Александр легко разгадает его тайный умысел: «**Жуковский говорит, что царь меня простит за трагедию — навряд, мой милый. Хоть она и в хорошем духе писана, да никак не могу упрятать всех моих ушей под колпак юродивого. Торчат!**» (Вяземскому П. А., около 7 ноября 1825 г.). В «Борисе Годунове» царь не только деспот, но и тиран, убийца, т. к. ступил через кровь невинного младенца — символ нравственной чистоты. Здесь, по мнению Пушкина, оскорблено нравственное чувство народа, и оно выражено устами юродивого: «**Не буду, царь, молиться за царя Ирода, Богородица не велит**».

Жанровую маскировку мы также относим к приемам эвфемии. Чтобы покритиковать события минувшего года: обещание царя на Польском сейме 15 марта 1818 г. о конституционных формах правления,

Пушкин использует такой редкий жанр, как ноэль — французскую сатирическую песенку на мотив церковных рождественских песнопений, но называет свои сатирические стихи «Сказки» (Noël): «**Ура! в Россию скачет Кочующий деспот Мария в хлопотах Спасителя страшает: «Не плачь, дитя, не плачь, сударь: Вот бука, бука — русский царь! Пора уснуть уж наконец, Послушавши как царь-отец Рассказывает сказки**». На первый взгляд, невинные стишки, но подтекст содержит довольно сильные обвинения.

Жанр сказки служит Пушкину для сатиры на служителей православной церкви («Сказка о попе и о работнике его Балде»), крепостничество («Сказка о золотой рыбке»), правящие сословия. За каждым персонажем в «Сказке о медведихе» стоит то или иное социальное явление или управленческая иерархия, например: «**Прибежал тутто волк-дворянин, У него-то зубы закусливые, У него-то глаза завистливые**». А чтобы высмеять любителя подслушивать, он использует следующую зашифровку: «**Во все время разговора он стоял позадь забора**».

К такому жанру, как аполог, в основе которого лежит аллегория, мы относим «нравоучительные четверостишья» Пушкина: «**Познай, светлейший лев, смятения вину, — Рек слон, — в народе бунт! Повсюду шум и клики!**» «**Смирятся, — лев сказал, — лишь гривой я трякну! Опасность не страшна для мощного владыки**». Образом льва, царя зверей, Пушкин показывает не столько силу, сколько деспотичность власти.

Аллюзия как приём эвфемии используется Пушкиным для создания подтекста, для намека, косвенной отсылки к какому-либо широко известному факту, например, в «Post scriptum» к стихотворению «Моя родословная» он пишет: «**Решил Фиглярин, сидя дома, Что черный дед мой Ганнибал Был куплен за бутылку рома И в руки шкиперу попал...**».

Аллегория, как и аллюзия, относится к иносказанию. В стихотворении «Анчар» древо яда, к которому «непобедимый» владыка отправляет раба за ядом, т. е. на верную смерть, ассоциируется с самодержавием, приносящим горе и смерть.

На более или менее ясных и понятных читателю иносказаниях построены многие произведения Пушкина. Если исходить из

названия повести «Капитанская дочка», то предполагается, что главным героем повести будет Маша, но она фигурирует лишь в последней главе. Таким образом, можно предположить, что, используя историю Маши Мироновой, Пушкин показал время пугачевщины и портрет самого Пугачева, чтобы обмануть бдительность цензуры и подцензурной критики. Этот номинативно-сюжетный ход можно рассматривать как уловку или как своего рода иносказание.

По нашим наблюдениям, в условиях тоталитарного, деспотического государства нежелание Пушкина оставаться в стороне от социально-политической жизни, мириться с существующими запретами способствовало активизации различного рода иносказаний, намеков, зашифровок, чтобы избежать санкций со стороны власти.

Литература

Вольперт Л. И. Дружеская переписка Пушкина михайловского периода (сентябрь 1824 г. — декабрь 1825) / Л. И. Вольперт // Пушкинский сборник [Электронный ресурс]. Л., 1977. Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/volpert/play/pisma.htm>.

Григорьев В. П. Эзопов язык / В. П. Григорьев // Большая Советская Энциклопедия. М., 1978. С. 569.

Лотман Ю. М. Пушкин / Ю. М. Лотман. СПб., 1995.

Москвин В. П. Эвфемизмы в лексической системе современного русского языка: учеб. пособие к спецкурсу / В. П. Москвин. Волгоград: Перемена, 1999. 59 с.

Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 17 т. / А. С. Пушкин. М.: Воскресенье, 1994.